

ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ
ХОЗЯИНА ОГНЯ

Оксана Демченко

Семь дочерей хозяина огня

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Каждая из дочерей повелителя огня выбрала судьбу, какую пожелала. Шесть судеб уместились в рамки людского мира, а седьмая – нет. И это только начало истории, ведь выбор – первый шаг, а жизнь – длинный путь, предсказать все повороты которого никак нельзя.

Особенность истории в том, что она связывает, пусть и очень условно, два мира, вроде бы ничего общего не имеющие. Это двукнижье «Безупречный враг» с его яростным драконом – и история нэрриха из цикла «Ветры земные», где всемогущие желали стать людьми, чтобы жить с теми, кто им дорог, и уйти вместе с ними даже за край, не расставаясь.

Оксана Демченко

Семь дочерей хозяина огня

Старший сын эмира загнал любимого скакуна. Песок оседал на солнечно-рыжую гриву, точеные ноги еще взбивали пыль – конь пытался вынести своего седока из гибельных песков, оставаясь верным ему и после смерти... Мирза последний раз произнес вслух имя рыжего, вскрыл ножом вену на его шее и выхлебал остатки жизни и верности. Он знал, что кони созданы для бега. Еще мирза знал, что только один из всех многочисленных сыновей рода сам однажды назовется эмиром.

Дальше мирза шел налегке. Сердце пустыни подобно совершенному алмазу, оно не содержит слабости и не приобретает царапин, соприкоснувшись с грубостью жизни и смерти.

– Я уважал одного мирзу, и ради него выслушаю тебя. Пусть вы и не братья, но эта память греет мою душу, – нехотя молвил повелитель огня, заметив мирзу на гребне бархана.

– Одолею я пустыню смертную во имя великой любви. Огнедержец, о светоч во мраке, дозволю мне, ничтожному, беречь сокровище души моей, ибо взлелеял я самовольно мечту, сжигающую меня с того дня, как узнал я имя несравненной, – прохрипел сын эмира.

– Ты перепутал сухость и жжение с живым огнем. Совсем пустая голова, – поморщился «огнедержец», человек с воло-

сами, более рыжими, чем грива погибшего коня.

– Мир снизойдет на степи и море, стоит солнцеподобной ступить в земли мои. Клянусь всеми...

– Ага, дерьмо высохнет, мухи передохнут... К тому же земли пока что принадлежат твоему папаше, – хмыкнул повелитель огня, ковыряя обломком ветки в зубах. – Оно того стоит?

Меднокожая дочь повелителя вышла из хижины, посмотрела на мирзу, поправила золотое облако волос, улыбнулась и кивнула.

* * *

Слабым мир крут, жадным мир пуст, трусливым мир темен, ищущим он – мал, стены его тесны. Край всюду найдёшь, когда рвешься вовне, иступленно ударяясь оземь и проверяя, что упрямее – камень или человек? Что сокровеннее и честнее – быль или сказка?

Невозможное от возможного отделяет лишь привычка звать одно так, и иное – иначе. Вырви язык, чтобы унять его ложь, выколи глаза, их вина не меньше. Нет неодолимых пределов, есть лишь край. Стену же мы строим сами, из собственных страхов.

Семь знаков оставляю у края миров, семь, как дней в неделимом, как нот в неразрывном... Вырежу знаки сталью, отсыплю солью, окроплю водою, брошу семя травы таал и

вскормлю его кровью. Слово изначальное прижму к зубам, прокачу по языку, приласкаю губами, – выпущу в полет.

Дорога за край длинна, не для человека она, по ней живому не пройти, а мертвым она не надобна... и все же путь откроется, если сделать хотя бы первый шаг. Трудный: прочнейшие узы связывают нас с привычным, и лишь тончайшая паутинка дивного простерта вовне. Я нащупал её – единственную нить. Я – иду.

Край хрустит, рвется и пропускает в ближний чужой мир. Птица обнимает лиловое солнце, вспарывает бирюзовыми когтями закат, пронзает дугою клюва тело его и пьет жар умирающего дня. Шея её легка, сталь оборвет хрупкий танец крыльев быстрее, чем вздох вгонит в межреберье обжигающий восторг... Сталь сокрушительна и холодна, она льнет к безразличной руке.

Путь мой далек, я зачерпну лиловость долгим взглядом, напою душу, но сталь запрю томиться в ножнах. Пусть танцует золотая птица, я вдохну её красоту, я не задержусь, паутина тонка, я иду...

* * *

Сорок красных верблюдов привел купец, сияющий среди подобных ему ремеслом, как полная луна – рядом с жалкими восковыми огарками. Повелитель огня зевнул, смежил веки и задремал под величайшим деревом края песков. Он

пребывал в благодатной тени и излучал свет, и рыжие блики плясали на древесной шкуре.

Гончар терпеливо ждал пробуждения, сидя рядом с огнеголовым и заранее устроив кувшины и чаши на месте обжига.

– Мечта владеть цветком пустынь гнала меня и лишала сна, – осторожно шепнул гость.

– Мечта не предполагает владения, лишь брюхо жаждет лопнуть в истоме обжорства, – огнеголовый щелкнул пальцами и затеплил огонь на красных камнях, и проследил, чтобы пламя ровно укутало глину при обжиге, румяня её. – В словах твоих не заметно живого огня, но кто я такой, чтобы учить иных разводить костры? Оно того стоит?

От колодца поднялась по тропе, неся на голове кувшин, дочь повелителя огня, и были её волосы чернее сажи, и вспыхивали они искрами ночного пожара. Девушка пересчитала спины верблюдов, и закат обозначил рыжими бликами её интерес.

* * *

Я подставил ладонь, и золотая птица пролила кровь заката мне в горсть. Холодным был тот закат, чужим. Бирюзовый коготь царапнул кожу, и я отдал каплю жизни здешнему песку. Еще подарил птице сталь в ножнах, не выпуская хищный оскал наружу. Пусть знает жажду безразличного металла.

ла, дольше проживет. Нить натянута, мне пора. Цепочка отпечатков моих босых ног украшает берег, как ожерелье, тягуче-медовое море заполняет их, и каждый следующий пятипалый сосуд мельче предыдущего: я уйду. Птица обнимает зеленую первую луну своей многоцветной ночи, звонко смеется вслед – иди, легконогий. Догоняет и дарит перо. Я сохраню трепет закатного танца, и пройду дальше... Снова край рвется с треском и пропускает туда, не ведаю – куда.

Взгляд синей ночи налегает на плечи. В нем покой мешается с высокомерием, в нем мысль перетерта с горькими запахами травы и лунным льдом. Паутина моя не липнет к ветвям здешнего волокнистого, чуткого леса, и я рвусь дальше, подарив синему взгляду слово изначальное. Что он дал мне в ответ и дал ли хоть что? Я человек, мой слух слаб, откуда мне знать ответ к такому редкому вопросу?

* * *

Всю долину под великим деревом заполнил цветами властитель севера. Лютни и арфы пели, но сам он молчал, одаривая избранницу лишь робким взглядом. Тем более не посмел гость обернуться и прямо говорить о заветном повелителю пустыни. Огнегривого – коварнейшего и хитрейшего, опасались называть вслух нечистым, хотя шепотом передавали: он обольщает души даже в молчании, одним лишь взором огненным... Не зря пустыня здесь безымянна и нанесе-

на на все карты мира лишь символом огня, короной с тремя
дрожащими зубцами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.